

А.А. Романов, Л.А. Романова

*Национальный исследовательский Томский политехнический университет,
г. Томск*

Тверской государственной университет, г. Тверь

**РЕЧЕЖАНРОВАЯ СПЕЦИФИКА ЭМОЦИОГЕННОГО
ФАКТОРА ВЕРБАЛЬНОЙ АГРЕССИИ
VERBAL AND GENRE SPECIFIC OF THE EMOTIONAL FACTOR
OF VERBAL AGRESSION**

Ключевые слова: вербальная агрессия, социальная коммуникация, агрессивное действие, конфликтное действие

Keywords: verbal aggression, social communication, aggressive action, conflictive

По моему мнению, и в отечественной неолингвистике имеются достижения, знакомство с которыми позволило бы увеличить научный вес полученных результатов. Прежде всего, это относится к теории речевых жанров – одного из наиболее ярких достижений именно отечественной науки, возникшей у нас под влиянием нашего великого соотечественника М.М. Бахтина.

Интерпретация результатов дескриптивного исследования в свете дискурсивно-жанрового подхода, который разрабатывается в российском речеведении, могла бы усилить теоретическую значимость диссертации.

... Между тем выявленные данные напрашиваются на интерпретацию с позиций современной теории речевого воздействия, в связи с такими категориями неориторики, как *речевая манипуляция, речевая агрессия, косвенность речи, коммуникативное смягчение, речевая кооперация, актуализации* и т.п.».

К.Ф. Седов.

Из отзыва официального оппонента
(г.Великий Новгород, 2010).

Проблема вербальной (*речевой*) агрессии в ее различных проявлениях приобретает все большую значимость в социальной коммуникации. Вопросы, связанные с данной проблемой, давно обращают на себя пристальное внимание филологов, философов, психологов, этнолингвистов, социолингвистов, психолингвистов. Поэтому закономерно, что явления вербальной агрессии в отечественной лингвистике рассматриваются, как правило, недифференцированно и именуется без конкретных описаний как «языковая (речевая, вербальная, словесная) агрессия», «языковое насилие»

или «инвективная агрессия», «сквернословие», «брань» (ср.: Белоус, 2007; Воронцова, 2006; Грачёв, 2009; Жельвис, 1992; 1997; 1997а,б; 2007; Седов, 2003; 2004; 2007; 2007а; Шаховский, 2011; Romanov, Kostyev, 2010). Для обозначения границ описываемого феномена в зарубежной лингвистике также используются различные понятия и термины при описании явления вербальной агрессии, например, «verbal abuse» (P. Evans), «verbal aggression» (R. Amon), «cursing» (T. Jay).

И хотя, по мнению представителей различных научных парадигм, еще недостаточно изучены как причины возникновения агрессивности вообще и вербальной агрессии в частности, так и сами формы проявления речевой агрессии в социальной интеракции, механизмы их влияния на отношения интерактантов и результаты вербального агрессивного воздействия, а также его последствия в социокоммуникативном пространстве жизненных сценариев участников профессиональной коммуникации, тем не менее, большинство исследователей сходится в том, что феномены языковой агрессии и языкового насилия как явления более широкого порядка по сравнению с фактами проявления вербальной агрессии и включающего также в его содержательный объем понятия «языкового манипулирования, языковой демагогии, языкового давления, языковой директивности, языкового принуждения и т.п. - т.е. такие жанровые проявления» (Седов, 2010), которые охватывают через гиперонимический семантический признак различных представителей функ - ционально-семантического поля вербального / дискурсивного насилия, - следует рассматривать как формы речевого (дискурсивного) поведения, воздействующие определенным образом на коммуникативно-социальное взаимодействие как форму поведения людей, поскольку они всегда направлены на минимизацию (принижение) и даже деструкцию языковой личности собеседника, на его подавление, подчинение и манипулирование им в интересах автора агрессивных дискурсивных практик (высказываний). Поэтому неслучайно, практически любая вербальная агрессия (в том числе и языковое насилие, конфликтность, принуждение, давление, уничтожение) рассматривается как форма психического деструктивного воздействия на личность с помощью речевых действий (речевых актов), например, угрозы, негативной оценки, поддразнивания, ругательств, спора, ссоры и т.п. (см.: Воронцова, 2006; Голев, 1999; 2000; Грачёв, 2009; Жельвис, 1992; 1997; 2007; Седов, 2003; 2007; 2007а; Romanov, Romanova, 2011 и др.).

Вот почему необходимость комплексного изучения феномена вербальной агрессии определяется не в последнюю очередь неблагоприятным экономическим и социокультурным положением в большинстве современных логосфер взаимодействия индивидов, в частности, ростом конфликтности и асоциальности говорящей личности, общим снижением уровня речевой культуры, инвективизацией и вульгаризацией речи, пропагандой насилия в сред-ствах массовой информации, существенным ослаблением коммуникативных механизмов, традиционно сдерживавших проявления агрессивного использования слова

(Romanov, Kostyev, 2010; Romanov, Romanova, 2011).

Исследователи отмечают, что вербальная агрессия в любых формах ее проявления - от вербальной инвективности до вербального насилия и унижения - препятствует реализации основных задач эффективного (главным образом, согласованного) речевого взаимодействия и деструктивно воздействует на сознание участников общения, затрудняя полноценный обмен информацией, существенно снижая возможности взаимопонимания коммуникантов и блокируя выработку общей стратегии согласованного взаимодействия (см.: Морозова, 2005; Реан, 1996; Романов, Романова, Костяев, 2009; Седов, 2007; 2007а; 2009; Фромм, 1998; Шаховский, 2009; 2011; Romanov, Kostyev, 2010).

В этой связи всестороннее исследование феномена вербальной агрессии - от ставшего привычным явления уличного инвективного словоупотребления (сквернословия, мата, ругани) до изощренного издевательства, критиканства, обзываний и известных выражений «*Понаехали тут*» - и, безусловно, разработка приоритетных направлений ее преодоления и контроля (с учетом того, что спектр контроля достаточно широк: от медицинского - в полном объеме, включая и психотерапевтическое воздействие - лечения, до педагогического воспитания и обучения) за проявлением агрессивности выступают в качестве важнейших и необходимых условий, обеспечивающих коммуникативную безопасность и лингвистическую экологичность как отдельной языковой личности, так и общества в целом (см.: Романов, Воеводкин, Романова, 2000: 4-7; Романов, 2010; Романов, Романова, Малышева, 2013; Седов, 2007; Шаховский, 2008; 2011; Romanov, Kostyev, 2010).

Большинство исследователей сходятся во мнении, что при вербальной (языковой) агрессии, как, впрочем, и при языковом насилии в качестве основной жанровой единицы такого деструктивного взаимодействия коммуникантов в различных сферах их жизнедеятельности выступает *языковая* (речевая, вербальная) *инвективность* (инвектива). Инвективность как языковая категория отражает и воплощает естественную функцию языка как реализацию его общей экспрессивной функции, тесно связанной с коммуникативной и когнитивной функциями. Как отмечает В.И. Жельвис (1997; 2007: 317 - 322), «инвективная функция языка является одной из его естественных функций, которая неразрывно связана с возможностью (и жизненной необходимостью) творческого использования слова. Исполнение этой функции для носителя языка так же естественно, как и выполнение коммуникативной и прочих функций».

Примечательно, что в настоящее время названная особенность говорящего индивида реализовывать инвективную функцию учитывается при построении типологии языковых личностей, в которой выделяются *инвективный* (он же агрессивный) и *конфликтный* (см.: Белоус, 2007; Шаховский, 2011;) и даже «*конфликтно-агрессивный*» (Седов, 2007: 271) типы личности. В этой связи хотелось бы обратить внимание на тот факт, что ещё задолго до цитированных выше работ классик отечественного

языкознания И.А. Бодуэн де Куртене отмечал тесную взаимосвязь вербального поведения с проявлением типовых свойств языковой личности, подчеркивая: «Здесь, как во всех прочих отделах языковедения, реальной величиной является не «язык» в отвлечении от человека, а только человек как носитель языкового мышления. *Мы должны не классифицировать языки, а только давать сравнительную характеристику людей по свойственному им языковому мышлению*» (Бодуэн де Куртене, 1963, т. 2: 183; курсив - А.Р., Л.Р.).

Однако было бы неоправданным полностью полагаться на утверждения исследователей о том, что негативная оценка адресата со стороны говорящего в интерактивном пространстве составляет основное содержание только инвективных речевых жанров или актов в виде *оскорблений, угрозы, проклятия, злопожелания, возмущения, обвинения, упрёка, колкости, насмешки, демонстрации обиды, грубого прекращения коммуникативного контакта, констатации некомпетентности даже агрессивного молчания* (ср.: Седов, 2007: 262-263). Более того, нельзя не заметить, что в этой череде речевых актов или «жанров» представлены по коммуникативно - функциональной и семантической направленности самые разные представители речеактового или жанрового «архива», в терминологии М. Фуко. И хотя их общий семантический признак - *негативная оценка* - является содержательной основой в плане реализации негативной оценки адресата, существует целый ряд конкретных оценочных речевых актов или жанров (ср.: Вежбицка, 2007; Кожина, 1999; Седов, 2007; 2007а; 2009), которые далеко не всегда являются агрессивными по своей коммуникативной природе и функциональному пред-назначению: ср., в частности - *оппонирование, спор, возражение, взаимное неодобрение, дискуссия, диспут, дебаты* и даже *переговоры*.

Правда, при этом целесообразно также иметь в виду, что и коммуникативное намерение (интенциональная или иллокутивная направленность инвективных выражений - высказываний - дискурсивных практик), и стратегическая реализация соответствующей коммуникативной цели их как речевых актов социальной коммуникации (интеракции) или жанров, по В.Н. Волошинову / М.М. Бахтину, разнятся между собой, так как основная иллокутивная цель инвективных речевых актов сводится к дискредитации личности собеседника как адресата (или даже третьего лица вообще) и формированию установки (не только собственно авторской, но и окружающих) на создание для них психологического, морального, эмоционального, коммуникативного дискомфорта.

Важно при этом не упускать из виду и функциональную базу (т.е. функциональные условия реализации иллокутивного потенциала речевых актов - инвективных речевых жанров), которая также будет иной: реализуя инвективы, говорящий выполняет, прежде всего, не экспрессивную (эмотивную, оценочную) функцию языка, а инвективную функцию (ср.: Жельвис, 1997; 2007; Шаховский, 2009; 2011). Примечательно однако, что коммуникативная стратегия реализации инвективных единиц (жанров,

речевых актов) может воплощаться (реализовываться) различными речевыми тактиками, представленными в коммуникативном взаимодействии в форме соответствующих речевых жанров или актов, например, тактик прямого и косвенного оскорбления, навешивания ярлыков, нагнетания мотивированных и немотивированных обвинений, ответа вопросом на вопрос в дискуссии или споре, ответом на упрек или замечание при оппонировании и т.п., в том числе и тактика массированного использования обценной лексики (ср.: Седов, 2007; 2007а).

Поэтому не случайно, что помимо самых разных представителей речеактового (жанрового) «архива» деструктивных дискурсивных практик к инвективным жанрам речи (Романов, 2010; Романова, Костяев, 2010; Romanov, Kostyev, 2010) в первую очередь относят так называемый первичный жанр «оскорбление», нередко отождествляя его с *инвективным речевым актом* как таковым, а также к ним причисляют «угрозу», «языковой ярлык» (например в политической или профессиональной сферах, в СМИ, Интернет - сетях), «жанры негативной рекламы в виде антирекламы» и «черного PR», «искусство словесной атаки», «брань», и другие (ср. иную точку зрения в: Седов, 2007; 2007а).

Под *оскорблением* чаще всего понимается речевое действие, содержащее в неприличной форме отрицательную оценку личности, унижающую честь и достоинство этой личности. Иными словами, оскорбление представляет собой высказывание, содержащее резко отрицательную оценку лица, осуществляемую с помощью так называемых неприличных слов и выражений. При этом негативная оценочная информация может быть выражена как средствами литературного языка («приличными средствами»), так и при помощи языковых средств, признаваемых обыкновенными носителями родного языка (т.е. обычными участниками коммуникации) «неприличными» («неприличными средствами») или «бранными», «инвективными».

Здесь нельзя не отметить, что размытость, двойственность и неопределенность границ и объема понятий «оскорбление», «инвектива», и связанных с ними речевых актов «обида», «обвинение», «клевета», «обзывание» и т.п. сказываются, например, на трудностях решения спорных вопросов в судопроизводстве, связанных с защитой чести и достоинства личности, для разрешения которых нередко прибегают к лингвистической (филологической) экспертизе (ср.: Галяшина, 2003). Лингвистическую экспертизу по защите чести и достоинства, пожалуй, уже можно считать сегодня отдельным направлением исследования вербальной агрессии под названием «юридическая лингвистика» или «юрислингвистика» (см.: Голев, 1999; 2000; Голев, Пищальникова, 2000; Леонтьев А.А. и др., 2009).

В рамках заявленного направления (Голев, 1999; Голев, Пищальникова, 2000) вербальная агрессия как комплексный (не отделимый от инвективы, оскорбления, обвинения и проч.) феномен рассматривается с позиций актуальных и в то же время запутанных проблем *социальной коммуникации* и *юриспруденции* как в отечественном, так и в западном (США, Канада,

Австралия и государства Западной Европы) гуманитарном дискурсе. В рамках данного направления в качестве агрессивных речевых действий законодательно классифицируются *наказуемые вербальные выражения* - так называемые «бранные слова» - «fighting words» (подробнее см.: Романов, Костяев, 2011: 32).

По признанию как отечественных, так и зарубежных специалистов (лингвистов, психологов, юристов, криминологов), основная трудность в описании и признании таких языковых выражений «бранными» в плане правовой квалификации заключается в выработке соответствующих определений нормативного и коммуникативного статуса таких слов (ср. точку зрения юристов: Галяшина, 2003 и схожую в этом плане позицию лингвистов: Воронцова, 2006; Голев, 1999; 2000; Голев, Пищальникова, 2000; Леонтьев А.А. и др., 2009 и др.).

Как правило, в рамках «юрислингвистики» к случаям вербальной агрессии относят такие высказывания, цель которых заключается не в передаче какой-либо информации, а в провокации у слушающего немедленной отрицательной реакции или, по выражению психологов, в нанесении своего рода «эмоционального удара» (ср.: Лызлов и др., 2010). Но при этом очень часто вербальная агрессия понимается достаточно широко, т.е. она трактуется как любая враждебная по отношению к партнеру речь («hate speech»), которая наносит ущерб (в широком понимании этого термина) человеку (т.е. его чести, деловой репутации, имиджу и т.п.) и, соответственно, должна быть законодательно запрещена или ее автор должен понести по закону наказание (Голев, Пищальникова, 2000).

Критерием для определения «враждебности» такой речи (высказываний, выражений, дискурсов) считается реакция реципиента: если высказывания порождают неконтролируемую ответную реакцию жестокости, если наносимый ими вред выше их «социальной значимости», то их следует расценивать как агрессию. Судить о возможности подобной реакции авторы предлагают с позиций лингвистической (филологической) экспертизы, здравого смысла и взглядами рядового носителя языка.

Специально «для нужд лингвистической (филологической) экспертизы» (Сыпченко, 2000) предлагается разработка типологии *инвектогенных текстов* (высказываний) на основе их структуры, семантики, прагматики, а также других признаков с выделением ядерных и периферийных типов и правого комментария к этим типам. Для этой цели, «безусловно, нужны специальные углубленные многоаспектные исследования» (там же, с. 216). Тем не менее, материалы, ставшие уже объектом лингвистических экспертиз, дают основание лингвистам выделить, по крайней мере, три типа текстов той или иной степени инвективности (и доказуемости инвективного содержания), а именно:

1. *Тексты* (высказывания), *инвективные независимо или независимо от интенций говорящего* – их инвективная семантика может реализовываться в связи с употреблением инвективной лексики с инвективной целью, что позволяет выявить прагматический анализ текста. К этому типу относятся

тексты, в которых инвективный смысл выражен изначально неинвективными нейтральными языковыми средствами, но употребление которых в отрицательно-оценочных суждениях, относящихся к личности в различных ее проявлениях, делает высказывание (текст) инвектогенным. В том и другом случае, независимо от намерений говорящего, имеет место инвективный результат;

2. *Тексты (высказывания) двусмысленные (многосмысленные)*. Их особенность в непрямом (косвенном) выражении инвективного смысла. Не содержащие прямых оскорблений, отрицательно-оценочных суждений и т.п., они могут нести заряд инвективности в силу применения разного рода коммуникативных стратегий дискредитации, умаления достоинства. Инвективный смысл таких текстов (высказываний) доказуем хотя бы в одном из интерпретационных вариантов. Неоднозначность таких текстов может быть изначальной (по замыслу автора), а также независимой от него;

3. *Тексты, инвективность которых лингвистически недоказуема*. Это, видимо, тексты, экспрессивные, стилистически нейтральные, но не содержащие прямых или косвенных отрицательно-оценочных характеристик личности истца. Такой оценочный компонент содержания предположительно и опосредован экстралингвистическими факторами (там же: 217-219; курсив и подчеркивание – наш.).

Примечательно, что обнаруженные в приводимом для анализа тексте *признаки инвектогенности и инвективные результаты* основываются на «негативной оценке речемыслительной деятельности следователя», выраженной «лексикой, которая отмечена как грубая, бранная в МАСе и отнесена к одному из разрядов инвективной лексики – *идиот, кретин, дебил*» (там же, с. 220-221).

Таким образом, приведенные выше попытки исследователей внести ясность в определения понятий «инвективность», «инвектогенность», «инвективная лексика», «инвективный результат», «ругательство», «бранность», «лексика, порочащая честь и достоинство» еще в большей степени укрепляют во мнении, что, *во-первых*, необходимо более точное (а главное - на основе конкретных параметров) описание семантических характеристик вербальных актов агрессивной дискурсии и также необходима не в последнюю очередь определенная систематизация дискурсивного «архива» речевой агрессии как проявления конкретных типов и форм речевого поведения, функционирующих в рамках более широкого социально-психологического дискурсивного контекста, т.е. в типовых сценариях жизни, в терминологии Л. Витгенштейна, и включающих в себя типовых (архетипических, концептуальных) представителей коммуникативного архива вербальной агрессии, а именно: от отдельных словесных оскорблений или инвективных выражений до конкретных дискурсивных практик или речевых актов, способных создавать дискомфортное положение дел в отношениях между участниками социальной вообще и профессиональной в частности коммуникации (см.: Романов, Костяев, Романова, 2006; Романова, Костяев, 2010).

Во - вторых, становится понятным, что предлагаемое исследователями деление на «первичных» и «вторичных» (или «эксплицитных, полуэксплицитных, прямых, косвенных и неопределяемых») жанров инвективной коммуникации не позволяет в должной мере очертить функционально-семантическую основу и прагматическую результативность таких жанров, поскольку они и функционально, и содержательно - в виду своей многозначности - могут противопоставляться друг другу, например: «отсыл» и «молчание», «обвинение» (в суде – это одно дело, а в обыденном разговоре – совершенно другое) и «демонстрация обиды», «словесные нападки» в виде юмористических зацепок или неуклюжего проявления интереса, флирта и «констатация некомпетентности» и т.д. (ср.: Седов, 2007: 262-263; 2007а: 263-266).

В - третьих, сведение всей жанровой разновидности вербальной агрессии только к инвективному поведению говорящей личности оставляет за пределами анализа многие другие акты социальной коммуникации, которые, например, в условиях прагматической транспозиции способны выражать такой же агрессивный заряд как и инвективы.

В - четвертых, замыкаясь в рамках описания только обценного проявления вербальной агрессии, трудно выйти на взаимосвязь личностных установок говорящего субъекта с его эмоциональным состоянием и эмоциональным состоянием (аффектов, стресса, фобий, фрустраций и т.п., т.е. глубоко личных переживаний) его собеседника как адресата, получателя или объекта агрессивных дискурсивных практик и на определение их «суггестивного потенциала» как результативного воздействующего эффекта, связанного с целевыми и прагматическими параметрами использования таких дискурсивных практик-стрессоров.

И, наконец, по умолчанию признается, что инвектива как речевое явление, реализующие определенные коммуникативные и экспрессивные интенции автора в виде *вербальных атак* - а разве знакомство юноши с незнакомкой на улице (чтобы завоевать ее внимание и симпатию) или флирт и ухаживание за соседкой по столу во время застолья даже в дружеской компании не является такой формой атаки, которая при всех прочих обстоятельствах не включает в свое содержание признаков враждебности и инвектогенности и *нападок* (чтобы, например, растормошить своего соседа за столом или держать в тонусе коллегу по работе с целью интенсификации его трудовой деятельности?!) - далеко не всегда выражается в форме той или иной разновидности брани или сквернословия, но, безусловно, всегда, если следовать определениям, она (инвектива) должна реализовывать языковую агрессию, потому что является в то же время - опять же по определению - одной из основных форм конфликта.

В рамках данного подхода понимание конфликта (от лат. *conflictus* - столкновение) сводится, чаще всего, к возникновению ситуации, в которой происходит столкновение двух сторон (говорящего и адресата как участников конфликта) по поводу разногласия интересов, целей, взглядов, в результате чего одна из сторон (инициатор) сознательно и активно действует

(физически или вербально) в ущерб другой, в то время как вторая сторона (адресат осознает, что указанные действия направлены против его интересов и предпринимает ответные действия против первого участника (см.: Белоус, 2007). В итоге получается, что любая эмоциональная оценка, любое выраженное в сердцах «эксплетивное высказывание» (Жельвис, 2007: 307), например: «*Вот зараза!*», «*Вот дерьмо!*», «*Какая дрянь!*», «*Ну кто здесь хлев развел!*», «*Какая свинья здесь сидит (работает, живет)?*», «*Раз мы преподаватели, так должны жить как последняя сволочь!*» и т.п. может послужить основанием для конфликта и, таким образом, рассматриваться как агрессивное.

В свою очередь, конфликтные вербальные практики речевых актов, например, угрозы - «*А ты с колокольни еще не летал?*», «*А тебя палками не били?*», «*Тебе ребра не пересчитывали?*», осуждения, порицания - «*Или ты не знаешь, как выглядит автобус?*», «*Или ты не знаешь, как должен себя вести законопослушный и порядочный гражданин? Так сейчас узнаешь / Так в милиции узнаешь*», директивной констатации – «*Перестань валять дурака*», «*Перестань делать из меня такого же идиота!*» могут и должны, по определению, расцениваться как агрессивные высказывания, так как они, прежде всего, суть речевые формы, отражающие реальное речевое поведение носителей языка в конфликтных ситуациях, и репрезентируют такое поведение субъекта, которое либо создает конфликтную ситуацию (*оценка, оскорбление, нанесение обиды в виде замечаний, упреков, угрозы*), либо поддерживает, усиливает или разрешает ее. Таким образом, языковой материал показывает, что не всякое вербальное проявление конфликта может (и должно) восприниматься как агрессивное, но в то же время практически любое вербальное агрессивное проявление может расцениваться по сути как конфликтное.

Из этого следует, что такие коммуникативные практики как «*оскорбить и обидеть, чувствовать себя оскорбленным и обиженным*» относятся, в своем большинстве, к ключевым понятиям (действиями) любого конфликтного, а значит - в определенной степени - и любого агрессивного вербального поведения, которые могут проявляться в разнообразно - индивидуальных вариантах, но в то же время допускают и типизацию в своем употреблении, так как предполагают соответствующие типы ментально-речевого поведения говорящего субъекта. К этому можно добавить, что их выявление и описание также имеет важное значение для обсуждаемой темы.

Подводя некоторый итог рассмотрению основ соотношения конфликтных и агрессивных действий в социальной коммуникации и намечая перспективы дальнейшего исследования феномена вербальной агрессии, нельзя не воспользоваться высказанным в отзыве официального оппонента предложении Константина Фёдоровича Седова: «Укажем еще одну ... перспективу изучения основного предмета исследования. Она связана с лингвоперсонологией – актуальным направлением развития современного отечественного антропоцентрического языковедения». Поэтому

целесообразно подойти к даль-нейшему исследованию феномена вербальной агрессии с *лингвоперсонологической* позиции, описывая её «как способ организации речевого поведения пользователей языком», который «может рассматриваться в качестве показателя коммуникативной компетенции личности, черты речевого портрета конкретной языковой личности» (Седов, 2010).

Литература

1. Белоус Н.А. Структурно-семантические аспекты конфликтного дискурса. – Ульяновск: УлГУ, 2007. - 247 с.
2. Бодуэн де Куртене И.А. Избранные труды по общему языкознанию: В 2-х т. - М.: Учпедгиз Министерства просвещения РСФСР, 1963.
3. Вежбицка А. Речевые жанры в свете теории элементарных смысловых единиц // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / Под общей ред. проф. К.Ф. Седова. – М.: Лабиринт, 2007. - С. 68 - 80.
4. Воронцова Т.А. Речевая агрессия: коммуникативно - дискурсивный подход. Автореф. дис. ... докт. филол. н. - Челябинск, 2006. - 43 с.
5. Галяшина Е.И. Понятийные основы судебной лингвистической экспертизы // Теория и практика лингвистического анализа текстов СМИ в судебных экспертизах и информационных спорах. Мат. научн. - практич. семинара. Ч.2. – М.: «Галерея», 2003. - С. 48 - 64.
6. Голев Н.Д. «Герой капиталистического труда» - оскорбительно ли это звание? // Юрислингвистика-1: Проблемы и перспективы. – Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 1999. - С. 126 - 142.
7. Голев Н.Д., Пищальникова В.А. Еще раз о глубине лингвистической экспертизы текстов, вовлеченных в юридическую сферу (на материале судебного разбирательства) // Юрислингвистика – 2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Межвуз. сб. научн. тр. - Барнаул: Изд-во Алтайского ун-та, 2000. - С. 221 - 228.
8. Грачев М.А. Лингвокриминалистика. – Нижний Новгород: НГЛУ им. Н.А. Добролюбова, 2009. - 280 с.
9. Жельвис В.И. Психолингвистическая интерпретация инвективного воздействия. Автореф. дис. ... докт. филол. н. - М., 1992. - 42 с.
10. Жельвис В.И. Поле брани. Сквернословие как социальная проблема в языках и культурах мира. – М.: ИЯ РАН, 1997. - 261 с.
11. Жельвис В. И. Инвектива в парадигме средств фатического общения // Жанры речи. – Саратов: Изд-во ГосУНЦ «Колледж», 1997а. - С. 137 - 144.
12. Жельвис В.И. Умберто Эко и язык инвективы // Языковое сознание: Парадигмы исследования. Сб. статей / Под ред. Н.В. Уфимцевой, Т.Н. Ушаковой. – М. - Калуга: Ин-т языкознания РАН, Ин-т психологии РАН, 2007. -С. 336 - 342.

13. Кожина М.Н. Речевой жанр и речевой акт (некоторые аспекты проблемы) // Жанры речи. Вып. 2. Сб. научн. статей. – Саратов: Изд-во «Колледж», 1999. – С. 52 – 61.

14. Леонтьев А.А., Сорокин Ю.А., Базылев В.Н., Бельчиков Ю.А. Понятие чести и достоинства: психолингвистический анализ. – М. - Калуга: ИЯ РАН, 2009. – 72 с.

15. Лызлов А.В., Серавина О.Ф., Ковалевская О.Б. Аффективность как структурообразующая основа антропологических пространств: философия, психология, психиатрия // Вопросы психологии. – 2010, № 3.– С. 65-74.

16. Морозова О.Н. Дискурс согласия в диалогическом пространстве. – М.: Ин-т яз-я РАН, 2005. - 220 с.

17. Реан А.А. Агрессия и агрессивность личности. - СПб.: Питер, 1996. – 225 с.

18. Романов А.А. Лингвоэкологический подход к профилактике вербальной агрессии в профессиональной среде // Психология управления в современной России: Теория, эмпирические исследования, практика. Мат. Международн. научно-практич. конф. – М.: Ин-т психологии РАН, 2010. – С. 78-85.

19. Романов А.А., Костяев А.П. Агрессивный дискурс в профессиональной коммуникации. – Тверь: ИЯ РАН, ТвГУ, 2011. – 310 с.

20. Романов А.А., Костяев А.П. Проблема агрессивного поведения личности в гуманитарном дискурсе: Основные подходы, понятия и дефиниции // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Педагогика и психология». – 2011, № 15. – С. 7-18.

21. Романов А.А., Костяев А.П. Типология актов вербальной агрессии в профессиональном общении // Вестник Тверского государственного университета. Сер. «Педагогика и психология». – 2011, № 5. – С. 15-26.

22. Романов А.А., Романова Л.А., Костяев А.П. Дискурс вербальной агрессии как объект лингвистики и лингвопсихологии // Языковой дискурс в социальной практике. Сб. научн. тр. 10-й Межд. научн. конф.– Тверь: ТвГУ, 2010. – С. 219 – 226.

23. Романова Л.А., Костяев А.П. Уровни фреймовой организации коммуникативного взаимодействия инвективной направленности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. Научный журнал. Филология. – 2010, Т.1, № 2. - С. 209 - 216.

24. Романов А.А., Романова Л.А., Малышева Е.В. Лингвоэкология как синергичная парадигма: предметная сфера, дискурсивные практики и эвристические ресурсы // Эмотивная лингвоэкология в современном коммуникативном пространстве: кол. монография. - Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2013. – С. 227 - 243.

25. Седов К.Ф. Нейропсихоллингвистика. Учеб. пособие. – М.: Лабиринт, 2009. – 250 с.

26. Седов К.Ф. Жанровая компетенция личности и эмоции // Язык и эмоции: Номинативные и коммуникативные аспекты: Сб. научн. тр. – Волгоград: Волгоградск. научн. изд-во, 2009а. – С. 119 – 130.

27. Седов К.Ф. Речевая агрессия и агрессивность как черта речевого портрета // Социальная психолингвистика: Хрестоматия. – М.: Лабиринт, 2007. – С. 250 – 277.
28. Седов К.Ф. Ссора // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / Под общей ред. проф. К.Ф. Седова. – М.: Лабиринт, 2007а. – С. 259 - 268.
29. Седов К.Ф. Человек в жанровом пространстве повседневной коммуникации // Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / Под общей ред. проф. К.Ф. Седова. – М.: Лабиринт, 2007б. – С. 7 – 38.
30. Седов К.Ф. Дискурс и личность: Эволюция коммуникативной компетенции. – М.: Лабиринт, 2004.
31. Седов К.Ф. Агрессия как вид речевого воздействия // Прямая и непрямая коммуникация. – Саратов: «Колледж», 2003.
32. Седов К.Ф. Отзыв официального оппонента на докторскую диссертацию Л.А. Романовой «Композитные перформативы в функциональной парадигме языка: Семантический и прагматический аспекты». - Саратов - Великий Новгород, 2010 (рукопись).
33. Сыпченко С.В. О типах инвективных текстов как объекта лингвисти-ческой экспертизы // Юрислингвистика-2: Русский язык в его естественном и юридическом бытии. Межвуз. сб. научн. тр. - Барнаул: Изд-во Алтайск. ун-та, 2000. – С. 213 - 221.
34. Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ-ЛТД, 1998. – 447 с.
35. Шаховский В.И. Лингвистическая теория эмоций. – М.: Гнозис, 2008. - 416 с.
36. Шаховский В.И. Многоязычие человеческих эмоций // Психолингвистика в XXI веке: результаты, проблемы, перспективы. XVI Международный симпозиум по психолингвистике и теории коммуникации. Москва, 15-17 июня 2009 г. – М.: Изд-во «Эйдос», 2009. – С. 252 - 253.
37. Шаховский В.И. Эмотивная лингвоэкология русского мата // Электронный научный журнал «Мир лингвистики и коммуникации» - Тверь. - 2011, № 2 (23). – ISSN 1999-8406; Гос. рег. № 0420800038. Идентификационный № 0421100038/009 (0,75 п.л.). – Режим доступа: <http://www.tverlingua.ru>
38. Romanov A., Kostyev A. Aggressive discourse in professional communication // Text processing and cognitive technologies. The XII-th Internationale Conference Cognitive Modeling in Linguistics (CML-2010). Proceedings. Dubrovnik, Croatia. September 6-12, 2010. – P. 392 – 394.
39. Romanov A., Malysheva E., Romanova L. Structural organization of the kinesthetic frame // Interdisciplinary Research Journal (Revista Cercetarilor Interdisciplinare). - Bacau: Editura Docucenter. Editie Speciala. V. 2011, 2011. – P. 47 - 48.